

Polylogos. 2013-2020

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 2 Volume 3. 2019

Ideology and Utopia: Philosophy Under Conditions of Neoliberalism

A. Rosen-Carole

Rochester Institute of Technology

New-York, 14623, USA, One Lomb Memorial Drive Rochester

Abstract

Enthusiasm for Derrida's work and persona was sourced in both their resonance with the affective-ideological atmosphere of ascending neoliberalism and their emphatic embodiment of neoliberal ideality, i.e., their exceptional instantiation of the neoliberal good life. What for many was only partially, if at all, realized, and tinged with disappointment, frustration, anxiety, and suffering, was consummately achieved in Derrida's writings. In close connection to ordinary experience, but also at a great distance from it, experiences of insuperable conflict and uncertainty, collapse, and ruin were, in Derrida, converted into intriguing new beginnings. His capitalizing on de-construction was undaunted, ideal. As all prior progressive ideals – both revolutionary and liberal – and good life fantasies collapsed or eroded, we identified with Derrida's enthusiasm, reverberated with it, and soon enough found ourselves in a feedback loop of mutually enhancing enthusiasm. Then, as the allure of neoliberalism's promise became tarnished by experiences of its developing actuality, as we increasingly felt left behind by or very incompletely included in that promise but not yet definitively divested by it, Derrida came to stand for peak of neoliberalism which we had not yet attained, but might yet. Enthusiasm for Derrida became, more explicitly, enthusiasm for an ideal. Finally, when the break between neoliberal conditions and neoliberal ideology became unavoidably apparent, Derrida could no longer function as a prop for fantasies of the neoliberal good life. His enthusiasm could no longer speak to us, the frayed and depressed denizens of late stage neoliberalism. It is for this reason that the memory of Derrida is fast fading. What enflamed and sustained interest in Derrida were social and political conditions that have now collapsed. What this collapse reveals is what, precisely, was intolerable in our past, as well as the contours of the present.

Translated by: Irina Myurberg (Institute of Philosophy of RAS).

Keywords list (en): Jacques Derrida, neoliberalism, ideology, utopia, history of philosophy

Date of publication: 27.09.2019

Citation link:

Rosen-Carole A. Ideology and Utopia: Philosophy Under Conditions of Neoliberalism // Polylogos. 2019. V. 3. № 2 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110006648-4-1/> (circulation date: 15.07.2020). DOI: 10.18254/S258770110006648-4

1 Память о Жаке Деррида быстро исчезает, и этому едва ли приходится удивляться. Нельзя сказать, что он заслужил именно такую судьбу, именно такой вердикт Истории относительно ценности внесенного им интеллектуального вклада и того чрезмерного энтузиазма, который не так давно внушало его творчество и сама его личность. Однако, на самом деле, перемещение его в разряд маргинальных авторов, популярных лишь в узком кругу своих последователей, совсем не радует. Как бы то ни было, исторически, это подозрительно поспешное стирание имени Деррида выдает нетерпеливое желание обрести облегчение избавления от того беспокойства, которое некогда вызывали его работы. Столь быстрый переход к забвению не решает ни одной из проблем, поставленных в работах Деррида. Энергия тревоги, характерная как для его хулителей, так и для его сторонников, просто замещается циничной готовностью полагаться на типичные позиции, занимаемые сегодняшней философией и, более широко, сегодняшней академической теорией.

2 Но даже если историческое настоящее философии обеспечивает ей возможность относительно мирно почивать в окружении прочих дисциплин, отправив на свалку истории то, что некогда было сосредоточением конфликта интересов – либо сверхоживленного признания, либо, наоборот, отбрасывания, либо жульнически двойственного отношения – оно, это настоящее, не делает философию опасной, готовой к возвращению угнетенной части общества на авансцену истории. Это не погоня за призраками, а, скорее, стратегия проведения аутопсии. Угасанию звезды Деррида соответствует радикальное «урезание» и сжатие (локализация) надежд на прорыв в философии; экстравагантные литературские, философские и социально-политические амбиции разменяны ныне на теплую ванну респектабельности, гарантии ясных достижений по ясным вопросам. Короче говоря, теперь главной скрипкой в оркестре является профессионализм. Наше дело - поставить надлежащий товар. И соблюдать этикет утвердившегося ныне разделения интеллектуального труда - тем более, что пока лихорадочным фантазиям политизации (Делёза и его наследников) все еще оставлено, пусть узкое, но достаточное пространство на краю академической сферы, историческое настоящее едва ли должно быть растревожено этими несведенными счетами с Деррида, или, мысля шире, со всеми теми французскими мыслителями, с кем ассоциируется его имя. Участь, уготованная наследию Деррида, никак не способна подорвать ощущение очевидности и необратимости, если не неизбежности, этого исторического настоящего, его стабильности. Но настоящее, с удовольствием отрешившись от этого разжигателя страстей и, в глазах многих, “совратителя молодежи” (симметричным ответом на это отречение является уход сохранившихся почитателей Деррида в цитадели узкой учености и библиофильства), слишком спешит освободиться от задачи самопонимания. Был ли взрыв энтузиазма по поводу Деррида в 70-е, его господство в 80-е или его всемирная слава в начале и середине 90-х в большей мере исторической случайностью, чем постепенный спад энтузиазма, вселяемого им в конце 90-х, или быстрое стирание его из памяти, последовавшее за его смертью в 2004 г.?

3 С забвением Жака Деррида был предан забвению самый смысл “континентальной философии”, исчезла ее значимость то, что совсем недавно мыслилось как нечто

неопределенно масштабное и, явно, чрезмерно почитаемое, перегруженное в ценностном отношении, но одновременно чрезмерно раздражающее, хотя и решительно обещающее нечто - как и само творчество Деррида. Теперь же, погруженная в контекст практически ориентированных, пользующихся широким признанием начинаний, таких как прикладная этика и феноменология, развиваемая в когнитивном направлении, пресловутая “Континентальная Философия” претерпела кардинальные изменения. То, что некогда было энтузиазмом, в котором никак нельзя было признаваться в почтенной компании, не испытывав чувства неловкости, теперь само собой переросло в респектабельность. Даже его имя, лишившись провокативности, способности олицетворять функцию трансдисциплинарного подстрекателя, и вообще способности ассоциироваться с авангардным отрядом воинствующих интеллектуалов, стало исчезать. В действительности, и сама идея “континентальной философии”, возможно, скоро будет вызывать интерес к себе лишь как к предмету антиквариата.

4 Быстрое исчезновение памяти о Деррида не является ни единичным несчастным случаем, ни вердиктом Истории. Это - намеренное упущение. С точки зрения недавнего прошлого, происходящее забвение Деррида способно поражать нас как нечто внезапное и неожиданное, независимо от того, приносит ли этот факт облегчение или разочарование. Но задним числом это забвение выглядит отчасти понятным, и в этом смысле оно едва ли способно удивлять. В атмосфере беспокойства и враждебности, окружающей “Континентальную Философию” в той самой атмосфере, в создании которой Деррида сыграл одну из центральных ролей (добавим к этому разногласия относительно того, полезно ли и для кого именно полезно принятие исходящих от Деррида вызовов) неудивительным кажется широко распространенное желание попросту покончить со всем этим.

5 Но это забвение не только артефакт столь прозаических интересов. Я намереваюсь доказать, что разрушению подверглись и сами социально-политические условия, породившие интерес к Деррида и поддерживавшие этот интерес, и их сделало процесс забывания практически неизбежным. Может статься, что разрушение этих условий, поддерживавших пусть противоречивый, но все же масштабный и интенсивный интерес к Деррида, уменьшит препятствующие нашей работе чрезмерные упования на него и даст возможность осветить его творчество более адекватно. (Качественная асимметрия между трудами самого Деррида и писаниями его комментаторов, критиков, респондентов, сторонников и имитаторов всегда была предметом обсуждения). Но если так, то появление возможности более адекватного прочтения Деррида сегодня одновременно уменьшает вероятность осуществления такой попытки¹. Без страсти никакая философия невозможна.

6 Если быстрое стирание памяти о Деррида и может быть неудивительным, пусть даже и не вполне понятным, то его десятилетиями длившаяся слава интеллектуальной знаменитости, особенно сила интереса к нему, не может не потрясать. Никто не предполагал, что *подобное* может иметь место. И никто так и не понял смысла этого. Известность Деррида как вдохновляющего образцового интеллектуала, законодателя академической моды, и весьма осуждаемого софиста казался, и все еще кажется, необъяснимой. Те, кто считал бы Деррида чудом, равно как и те, для кого он был возмутительным шарлатаном, мало что понимали в причинах массового и сильного интереса к нему. При этом они не могли понять причин *своего собственного* интереса к Деррида. Почему *именно он* выбран мальчиком для битья? Почему *именно он* считается светилом? Что-то из этой страстной увлеченности Деррида, что-то из условий его творчества и свойств его личности, делавшее его столь привлекательным, было и остается неясным.

7 Далее я не буду доказывать, что все описанное мы могли или должны были предвидеть. Скорее речь пойдет о том, что теперь мы имеем возможность понимать то, чем

именно это *переживание* феномена Деррида – его работ и его личности – вызывало в нас столь интенсивное притяжение или отвращение. И что еще более важно, мое требование будет состоять в том, что достигая понимания сути внушаемого им положительного или отрицательного энтузиазма, мы лучше поймем *себя самих*. История рецепции творчества Деррида соразмерна с неолиберализмом и особенно отзывчива на его развитие². Опыт Деррида – та призма, через которую наиболее ясно прослеживаются контуры, сложности, и превращения неолиберализма³.

8 Наше собственное историческое состояние – где мы находимся теперь и кем стали с точки зрения того, где и кем мы были до этого становится доступно проницательному оцениванию, благодаря работам Деррида, *которые недавно были для нас катехизисом, но более им не являются*. Зарождение энтузиазма в отношении к творчеству Деррида – а оно было внутренним условием его личной творческой продуктивности – совпадает с зарождением неолиберализма, его ранней стадии, несущей нам некие обещания; на этой стадии он знаменовал собой эру наступления дикой, рискованной, нерегулируемой свободы, креативного потребления и, как минимум, ожидаемого паритета участия. Он означал наступление эры выхода на первый план и обретения самодостаточности такими импульсами, идентичностями и инициативами, которые долгое время подавлялись или находились в маргинализованном состоянии. Это было не лишенное чувства тревоги авантюрное время, представлявшее нам будущее истинно открытым – по крайней мере, для частных или локальных инициатив. Пусть даже определение «открытое» будет здесь не вполне точно, это будущее в любом случае было беспрецедентно открытым для всяких неожиданностей, перемен и не поддаваемых сомнению подспудных процессов – возможно, даже для смешанных (или, скажем, отсроченных или дифференцированных) местных инициатив. Это было время непонятных сближений. Время всеобщей расторможенности и неопределенности, целостность и поддержку оно черпало в тотальной уверенности относительно нерушимости глобального капитализма, в условиях которого старые устои уступали место всяческим инновациям, а многое из того, что ранее считалось предосудительным, становилось в привлекательный для инвестирования объект. Это было время небывалых инвестиций в невероятные проекты: амбиции били через край.

9 Угасание уровня энтузиазма по поводу работ Деррида, обеспечившее ему быстрое, и даже несправедливо поспешное, забвение, соответствует решающему повороту в неолиберализме: речь идет о возникновении в нем самом всепоглощающего ощущения, что он есть не столько время надежд, сколько некий глобальный контекст, увековечивающий неустранимую неустойчивость. Уничтожение условий поддержания минимальных гарантий, обеспечивающих человеческий уровень существования – для всех, кроме привилегированного меньшинства. Это ситуация, порожденная одновременным высвобождением глобального капитализма и его обеспечением государственной поддержкой – ситуация, практически сводящая на нет деятельность профсоюзов, систему социальных гарантий, возможность рассчитывать на долговременные условия найма и соответствующие компенсации на случай потери работы, защиту окружающей среды, наличие в мире регионов, сопротивляющихся экспансии западных интересов и капиталистической эксплуатации, либо находящихся в стороне от всего этого; а также уничтожение надежд на верховенство права, как и национального, так и международного; а перед лицом измены права самому себе в интересах капитала укрепилась вера в проект национального государства – и всё это больше не могло игнорироваться. Монополизация капиталов, безопасности и образования и, вкупе с этим социальных возможностей; сопряженная с монополизацией тенденция к экстремизму, рост неустойчивости – данные тенденции достигли точки, где доминирующим фактом существования многих людей стали всяческие нарушения норм жизни без особой надежды на улучшение положения, а также чувство растущей угрозы для тех, чье положение

приближается к состоянию социальной отверженности. Следовательно, доминирующей тенденцией всё чаще становится неверие людей в общество, отвечающее за их обездоленное состояние. Хищнический капитализм превратился в новую норму жизни. Энтузиазм по поводу авантюризма подготовил почву циничному оппортунизму и, в конечном счете, технологическому фетишизму. Интерес к Деррида открыл дверь для очевидно спонтанного интереса к Делёзу⁴.

10 В ситуации, когда кризисный характер неолиберализма стало невозможно отрицать, поскольку люди почувствовали себя незащищенными, брошенными на произвол судьбы, а не освобожденными, и таким образом, стратегия выживания и, там, где это возможно, самопродвижение вытеснили коллективную защиту своих прав и творческое самосозидание, ранее казавшиеся преобладающим настроением, интерес к Деррида естественно уменьшался. Экспериментирование, да и гуманитарные науки в целом, стали рассматриваться как проявление упадничества, излишество, эгоизм а даже агрессия. Акционизм, стремление «делать хоть что-то», и, как альтернатива, чувство безысходности, нескончаемого ухудшения, и, как следствие, чувство негодования вытеснило ощущение бесконечных возможностей. У поздних неолибералов больше не возникало отклика у энтузиазм Деррида и продуцируемые им обещания. Время для этого было неподходящим.

11 Труды Деррида и их рецепция есть та оптика, с помощью которой могут быть аналитически расчленены нити и узлы неолиберализма. Они будут рассмотрены здесь в форме case-study нашего недавнего прошлого, помогающего определить контуры нашего настоящего.

12 Кем были мы, если работы Деррида казались нам такими очаровательными или отвратительными? Кто мы теперь, когда нас уже невозможно ни восхитить, ни оттолкнуть этим собранием сочинений? Как теперь характеризует нас это относительное безразличие к данным работам, и к дистинкции «континентальная аналитическая», которая до некоторой степени символизирует это безразличие? Что говорит это о нашем современном опыте – чувстве возможного и «стб́ящего» того, на что нам можно надеяться? С точки зрения памяти о Деррида – окружавшем его волнении – его настоящее может переживаться как подобие сохраняющей силу модели, несколько померкшей на фоне непрестанной деятельности и разочаровывающей, сколь бы обнадеживающими ни были ее плоды. Примечательно, что большинству настоящее представляется *не таким*, а (в политическом и, с недавних пор, философском смысле) в образе нарушенной красоты буржуазной жизни как контекста производства и потребления, возникшего вследствие коллапса воодушевленных сил героического индивидуализма и коллективных амбиций, в ходе которого анархические опасности для повседневности по большей части разрушаются или умиряются. Благодаря этому, они получают несколько пугающую поддержку со стороны укоренившегося разделения труда; так мы можем найти место для удовлетворения собственных местных потребностей, пристраститься к маркетингу и взяться за реальную конкретную работу, значимую или прибыльную (или привлекающую инвестиции); и все это время мы можем лелеять память или даже создавать мифологию о бурных, неподвластных нам страстях, имеющих практические воплощения (индивидуальный героизм, коллективные начинания) – пользующиеся спросом источники ностальгии. Короче говоря, они получают жизненный контекст, несколько скудный в плане страстей, но при этом гораздо менее опасный, купленный ценой заразительного цинизма по поводу всего жизненного уклада⁵. Это позволяет думать, что наш интерес в или безразличие к Деррида отражает наш интерес или отсутствие оногo в отношении общих условий жизни; что наше отзывчивость или неотзывчивость на творчество Деррида показывает, кто мы есть и кем надеемся стать. Энтузиазм, вселенный Деррида, никогда не относился только к Деррида. А если так, то кем и чем был Деррида?

13 Деррида не был похож ни на кого другого. Он дарил обещания, как никто другой. Его

творчество обещало, беспокоило, фрустрировало, несло в себе смутную угрозу – во многом так же, как обещала, беспокоила, фрустрировала и смутно угрожала наша жизнь. Его обещания не были обещаниями пророка. Ибо хотя его творчество казалось заряженным непрозрачным, тревожащим обвинением, его амбиции явно были рассчитаны не на переделку мира или предсказание пришествия нового мира, а на испарение и потенцирование настоящего: на то, чтобы расшатать наши банальности, расстроить наши убеждения и спровоцировать творческие начинания; избавить нас от наших слабостей, а не манипулировать ими – и после этого посмотреть, что произойдет. Его обещания не были посюсторонним проявлением потустороннего, он обещал имманентность секулярного; обещал познанный мир (представленный известным текстом или традицией) усиленный, очищенный от недосказанностей и доведенный до его предельного выражения⁶. Творчество Деррида, его обещания, были не зарей нового времени и не каким-то решающим событием; оно обращалось к потрясениям и непредвиденным последствиям мелких на первый взгляд проблем, не замечаемых традицией, таких однодневок, взрывных последствий которых никто не имел представления.

14 Короче говоря, творчество Деррида, как и созвучный этому творчеству мир, был полон восторженного отношения к задаче выявления, развития, и сохранения нетронутых пока ресурсов, этого важного источника помощи всем, кто находится в тяжелом положении без помощи окружающих; речь идет о способности творческого проникновения в суть вещей. Именно это, а не какие-то радикальные преобразования должны быть объектом веры. Творчество Деррида, как и его мир, наполнилась бурной неуспокоенностью, но, несмотря на все взлёты этого творчества и этого мира, в них было мало уверенности в том, что революция как существенно новое состояние, уже не за углом⁷. Его обещания определенно *не были* постмодернистскими, они принадлежали к непрерывно усложняющемуся, интригующему и творчески переоценивающему себя миру модерна⁸. Его творчество, как и его мир, источало ощущение непреодолимого предела, который и был горизонтом его обещаний. Деррида обращался со своими текстами так же, как и с окружающим миром.

15 Но если этот способ раздавать обещания не был пророческим, то какой была природа обещаний Деррида? Как и почему могли его тексты и его личность возбуждать и убеждать? Откуда брались эти надежда и вера, это общее смятение духа, исходящие от Деррида, или же, скажем иначе, чувства, концентрируемые им вокруг себя самого и того, что он делал? Никогда не выставляя себя пророком, Деррида внушал до удивления мощный энтузиазм, и даже привлекал последователей, часть из которых стремилась, несмотря на все его отклонения от единой линии, стать неофитами его «религии». Что было в этом образе дикой свободы захватывающего, увлекающего, взрывного и одновременно успокаивающего? Что делало Деррида явлением?

16 С самого начала его восхождения к славе и далее, в течение всей его карьеры, поражал и очаровывал многообещающий характер работ Деррида. И достаточно скоро это принесло обнадеживающие результаты. Не то, чтобы Деррида обещал что-либо в особенности – и всё же... Не следует недооценивать безусловной талантливости Деррида, его притягательности, но его обещания далеко выходят за рамки академической учености. Отчасти, это чувство обещания было связано с впечатлением необычайной подвижности его творчества. Переживание творчества Деррида будь то оптимистичные или вызывающие беспокойство и подозрения чувства – оставляло после себя впечатление недавней утраты авторитета устоявшимися структурами организации мысли и практики, которые теперь лишались былой власти; это были напоминания о старых историях, полномочиях и регалиях, теряющих силу; о превращении многих устоев из установлений, принимаемых за нечто, само собой разумеющееся, в разменную монету, фишку в игре случайных сил. Главным в опыте Деррида было чувство, что *происходит нечто такое*, что способно произвести необратимые

изменения⁹. Невозможно было сказать, что именно происходит, но нечто, безусловно, происходило.

17 Для тех же, кто инвестировал в сохранение традиции и неизменность институтов, будь то в силу убеждений или в стремлении не сдаваться, отворачиваясь от усиливающегося хаоса в культурной сфере, эти обещания, несомненно, звучали подобно смутной угрозе. Это частично объясняет ту предвзятость, с которой набросились на Деррида кто-то из числа защитников себя самих и своего мира, поставленного под угрозу. Обвинения в адрес Деррида были, по большей части, поразительно огульными. Он был легкой целью. Для других, особенно тех, кто лелеял надежду, что будущее способно не повторять несправедливостей прошлого, это обещание означало пробуждение. Был брошен вызов укоренившимся системам запретов, отвергающим рефлексию установленного порядка, репрессиям и сокрытиям. В его работах не только было воплощено и спроектировано дерзновенное творчество более свободных инициатив – в них чувствовалось также и присутствие союзников. Чувство солидарности оказывало большое эмоциональное воздействие. Большое облегчение давало осознание того, что эта солидарность свободна от иерархических директив, что Деррида никогда не придет в голову диктовать ее форму или направление. Можно сказать, это было, чувство неконсолидированной солидарности – неопределенное чувство коллективного прорыва.

18 В значительной, но не исключительной степени обещание Деррида было обещанием нового, по-настоящему нового. Опыт Деррида был преимущественно опытом беспрецедентного, и оставался таковым, даже когда его фундаментальные действия стали узнаваемыми и, более того, кодифицируемыми – даже когда стало понятно, у кого и что он заимствует и как преобразует заимствованное. Само его творчество и материал, с которым он работал, из-за инновационности его подачи всегда выглядело поразительно (иногда даже шокирующее) *новым*¹⁰. Какая переполненность небывалой глубиной и значением! Какая благодатная почва для дальнейших исследований; какая простота контроля над задействованными ресурсами и, следовательно, какое богатство возможностей для добычи и передислокации найденного¹¹! Даже повторные обнаружения давних метафизических структур и тенденций у Деррида каждый раз выглядели как новое открытие – это имело место, даже когда такие метафизические структуры и сами тенденции, несмотря на разнообразие их воплощения, казались поразительно однородными. То же самое можно сказать о (неизбежном) выявлении им особенностей текстов, замкнутых в метафизической капсуле, но сопротивляющихся этому чувству закрытости, подрывающих его или выходящих за ее рамки: оно каждый раз выглядело как некое новое открытие, сокрушение основных убеждений, касающихся этих текстов; убеждений, которые освободили их от господствующих установок, внедренных в историю их рецепции, и вбросили их в неопределенное будущее. Выявление таких коллизий или «саморазрушительных» моментов приносило ощущение новизны этих текстов как чего-то почти непознанного, и на стадии постижения их как простых и самоочевидных они вновь были интересны. И несли в себе сильнейший вызов. Для того чтобы осилить эти удивительно изменчивые тексты, не говоря уж об установлении их авторства и тех традиций, частью которых они были, потребовалось куда больше работы. Так, освобожденные от регулирующего принуждения историй их рецепции, как и от других условностей, связанных с более широким прочтением, эти тексты дошли живыми до нас для того чтобы скитаться по пространствам наших интересов. Даже когда присущая Деррида изобретательность в плане форм и инновационность его манеры бросаться в атаку и размыкать традицию стали фирменными знаками его творчества, даже когда читатели привыкли ожидать от него, как минимум, поразительно новых прочтений, авторских форм и пространств для новых деконструктивных начинаний, ощущение новизны ничуть не уменьшилось. Блеск нового, подаренный дерридианскому Мидасу, сделал прикосновение этого последнего причиной превращения архаичных, прозаичных или якобы случайных вопросов в объекты живейшего

интереса¹².

19 Всё, к чему прикасался Деррида, наделялось им способностью провоцировать безграничный интерес, отмеченный даром самовозобновления для дальнейшего исследования и практического применения – даже если мы не очень понимали, как реализовать интерес; если же понимали, то не знали, как превратить плоды наших занятий в нечто стоящее, прибыльное. То, что очень немногие продолжали непосредственно следовать по пути, открытому Деррида, позволяет предположить, что вдохновляющим мотивом здесь служили не столько конкретные новые направления исследований, сколько сама эта окрыляющая явленность нового; или, говоря точнее, наиболее значимым было для его читателей дозволение идти их собственным путем, так как творчество Деррида делала для них возможным и желательным заниматься тем, что было наиболее увлекательно для них самих. Частично, обещание Деррида состояло в том, чтобы позволить нам (как читателям и писателям) заниматься предметами, интересующими исключительно нас самих, или даже представляющих нашу идиосинкразию в части исследовательских интересов, чтобы, нащупав предел собственных возможностей в свободных начинаниях и инновациях, мы оказались бы частью широкого культурного движения. Было нечто вдохновляющее и успокаивающее в убеждении, что посвятив свои таланты и интересы работе, в которой каждый выберет, что пожелает сам, – а там будь, что будет – каждый, вместе с тем, внесет определенный вклад в нечто большее, чем он сам. В то время как некоторые решились пойти по стопам Деррида ради того, чтобы сделать их более понятными для широкой общественности, куда большее число последователей использовали Деррида как вдохновителя их самих на движение в собственных направлениях, надеясь тем самым вдохнуть в его начинания новую силу¹³. Короче говоря, захватывающая новизна его творчества работы была заразительной. Его читателям удалось выполнить парадоксальное изречение Ницше, чтобы “идти своим путем; поступая так, вы будете следовать за мной”¹⁴.

20 Для того чтобы творчество Деррида получало активную поддержку, для того чтобы в него вкладывались, от него не требовалось брать на себя роль спонсора.

21 Из того, что очень немногие непосредственно продолжали идти по пути, открытому Деррида, можно заключить, что существовали сомнения по поводу ценности следования путями, им проложенными. Другими словами, неуверенность касалась не самих этих путей (как если бы они вызвали сомнения и уточнения), а того, следует ли присоединяться к новому направлению только потому, что оно новое. Оглядываясь назад, поражаешься тому, как мало было сделано в плане расширения, развития способов прочтения конкретных текстов Деррида и затронутых им работ других авторов (определенное исключение составляют его работы по Фрейду). И это не говоря о том, как мало интереса проявляли его поклонники к строгому следованию его нововведениям. (Эти нововведения чаще использовались как узаконивание свободы их собственного творчества, а не как повод к серьезным попыткам расширения и продвижения достижений учителя)¹⁵. В то время как преобладающую позицию занимали авантюрные комментарии на тему: как далеко мы способны продвинуться, сколь многое сойдет нам с рук, и что, невзирая на традицию, мы могли бы придумать, наряду с ними стали слышны разрозненные выражения усталости от стремления к новому, которое неизвестно, стоит ли того; вместе с вопросами о том, не выйдет ли процесс из-под контроля; и о том, совместимы ли новые события со старыми методами и ценностными системами, а если совместимы, то как; и о том, не ввергнет ли нас саморазвитие новаций в тот или иной необратимый кризис; и о том, оправдали ли себя уже случившиеся события, а если да, то какие из них. Обещание неограниченного обновления похоже на неясную угрозу. И не только для тех, кто полагается на традицию. Вечное обновление есть лишь радостный лик нескончаемых утрат. Понимание того, что требование *реализации новизны* способно привести

к бедствиям и опустошению, было не чуждо и ранним неолибералам¹⁶.

22 Отложим на минуту эти соображения. Среди проблем требующих объяснения, есть вопрос о причинах длительного волнения, вызванного “явлением Деррида”, т.е. речь идет *как* об окружающем его *позитивном* энтузиазме, *так и* о нервозности, иногда заканчивающийся агрессивной бранью – и о том, о чем говорит нам это волнение о зарождении т.н. аффективной экономики неолиберализма (неолиберализма как «психосоциального» явления)¹⁷. Первый вопрос, однако, имеет самый общий вид: как объяснить энтузиазм по поводу Деррида, в частности, исходящей от его творчества и его самого чрезвычайной подвижности? Более узкие вопросы: Как случилось, что личность Деррида и его творчество стали символом обещания нового? Какова природа этого обещания новизны? И почему, в связи с ним, но не только из-за него Деррида вызывал такой энтузиазм? Ни литературное воодушевление Ницше, ни дерзкий вызов культуре в целом, ни гуссерлев возврат к трансцендентальной философии, ни хайдеггеровская деструкция философской традиции с возвращением к вопросу о бытии, ни чрезмерность этики Левинаса, ничто вообще в послевоенном экзистенциализме не вызвало такого многогранного культурного энтузиазма, и особенно со столь сильным и разнообразным стремлением присвоения его идей. Те, на кого повлияли вышеперечисленные труды и разговоры о них, вполне могли их проигнорировать; но проигнорировать Деррида, судя по всему, было невозможно. Обещание Деррида было беспрецедентным с точки зрения заключенной в нем власти очаровывать и мобилизовать.

23 Неизвестно, стоило ли это ему усилий воли или нет, но Деррида выполнил своё обещание: обновляться будет сам мир, тот самый мир, который мы, современные люди, получили в наследство от предков, и такой мир всегда будет интригующим для нас. И дело было не только в том, что *сам он* смог сделать свои творения, при всей повторяемости их главных мотивов и процедур, такими, что они обязательно поражали нас новизной. Его творения пронизаны чувством, что в чем бы мы ни были уверены, события могут оказаться или скоро окажутся иными – зачастую, они уже были иными. Это было чувство, что какими бы рутинными, даже застывшими ни были шаблоны нашей мысли и действия, обеспечиваемые, на первый взгляд, сверхпрочными структурами, они могут в любой момент пасть и даже не могут не пасть вследствие непредвиденных скрытых от взора осложнений вследствие неожиданных подвижек и новых тенденций. Стабильность есть всего лишь внешняя оболочка интенсивной изменчивости; привычка, постоянно подрываемая случаем; намерение, чреватое осечкой, репрессии, сменяющиеся внутренним взрывом, невольно порождаемыми этими репрессиями. Короче говоря, это, всё безопасное, стабильное и самоидентичное *внутренне* подвержено самодифференциации. И требуется просто научиться видеть и правильно применять этот мир нетождественного, заключенный в устойчивый на вид футляр стабильной самотождественности. Все это игра¹⁸.

24 Если идентичность предполагает различие, а повторение является средой возникновения изменений, то тенденция к обновлению является всепоглощающей. Если в мысли, практике, и отношениях, какими бы стабильными они ни были, все располагает к различию, тогда и наши жизни, и наш мир, неудержимо потенцированы новыми событиями, всегда открыты для них, находятся на грани перехода к новому. Если консолидация идентичности зависит от того, что подрывает ее, и в этом отношении представляет собой иллюзию, за которой сокрыто непрекращающаяся, диффузная и непредсказуемая процессуальная дифференцирование, тогда наш выбор невелик – остается только примириться с хаосом и максимально приспособиться к нему. (возможно даже хоть на немного опередить его). Это может быть опасным, и неудобным начинанием, но и дискомфорт может сделаться захватывающим пристрастием; в конце концов, там, где есть действие, есть деструктуризация и случайные новшества. Кроме того, сопротивление распаду во имя неприкосновенной целостности, вероятно, приведет к новым признакам – отсюда неизбежность распада. Если

нормативная стабильность паразитирует на силах дифференцирования, которому она служит сокрытием, то существующий мир оказывается “*всегда уже*” переполнен будущим. Обещание Деррида было обещанием, что нам негде искать, кроме как в том самом мире, который мы унаследовали для реализации, если можно так выразиться, всех возможных возможностей. Это было обещание неистощимого потенциала, самовозобновляющегося вследствие самопреобразования, и в этом смысле - обещание неограниченных ресурсов; и если не неиссякающей прибыли на инвестиции, то нескончаемого приключения¹⁹.

25 Атмосфера предвкушения, исходящая от творчества Деррида и самого его как личности, была столь же центральной в их движении, сколь центральной была она в процессе развития неолиберализма.

26 Обещание нового, производимое творчеством Деррида, аура его творчества и его личности, вибрировало как бы в такт с волнением, вызываемым риском²⁰. Но это были риск или приключение в очень определенных пределах. Это обещание нового не имело ничего общего с “перманентной революцией». На самом деле, оно знаменовало резкое снижение революционного энтузиазма. Восхождение неолиберализма было упадком идеи социализма. Критическая Теория поблекла. Его острие притупилось, по мере того, как она систематизировала себя, подписываясь под нескончаемыми критическими анализами либерально-демократических институтов. Его обличительный гнев ослаб и утопические энергии рассеялись – и связь между тем и другим утрачивалась, пока он реорганизовывалась в направлении имманентной критики. Революционные чувства, некогда присущие постколониальной политике, уступили место распространяющемуся девелопментализму, подобно тому, как критика модерна (как Евроцентристского, империалистического) уступила место энтузиазму по поводу альтернативных модернизаций. Энтузиазм по поводу обещания нового, то есть, адресованный Деррида, был оптимизмом по поводу условий, которые мы унаследовали – как в общем смысле, так и в связи с творчеством Деррида, в свете тех работ, текстов и традиций, которые были его объектом – они были, на самом деле, ресурсами, которые, если с ними умело обойтись, могли бы быть развиты в самых разнообразных направлениях – и никогда не утратили бы своего потенциала²¹. Это был оптимизм, основанный на том, что, хотя о каких-то крупномасштабных преобразований может не идти речи, это не имеет значения, ибо развиваемые нами инициативы местного масштаба все равно неограниченны, и в конце концов, в них будут реализованы миры, нарисованные революционными грезами; то, что с внешней стороны могло бы казаться ограничениями, в действительности, является для нас *условиями возможности*; конечное на деле бесконечно; поэтому, в конечном счете, нам достаточно имманентного. Как долго – невозможно предсказать²². Энтузиазм по поводу обещания новизны и, значит, по поводу Деррида составлял немалую часть энтузиазма безграничного присвоения. Отсюда безумная тяга к гибридизации, подделкам, иронической перезаписи, пародийному переносу, извращающему повторению, переназыванию, деконструкции и реконструкции²³.

27 Это обещание вечно нового и захватывающего было обещанием имманентности. То есть, следуя идиоматике Деррида, речь идет об обещании экономики, являющейся одновременно ограниченной и обобщенной.

28 Грубо говоря, Деррида, его творчество и его личность, были объектами возвышенно понимаемого товарного фетишизма, находящегося в ожидании интерактивных, доступных для персонализации и явно подлежащих присвоению товаров народного потребления. Но их привлекательность не так проста, как в случае с продуктами Apple, видеоиграми и т.п.. Интерес к этим последним может свидетельствовать о том, что мы поддаемся на манипуляции со стороны всего, что способно захватить наше внимание, т.е. того, что вовлекает нас в культуру постобраза жизни (post-lifestyle culture). Теперь, когда интерес к самим себе

воспринимается как нечто неподобающее или маловероятное, продукты такого рода предоставляют нам подобие занятия собой. Эти продукты вызывают и частично удовлетворяют желание *сделать* что-то – ну что угодно – в культуре, для которой акционизм является императивом; в этой культуре мы чувствуем, по крайней мере, периодически, что сделать мы можем мало что стоящего, чтобы сделать, или что сделанное нами не будет иметь особого значения, и лучше вовсе не думать об этом. Отсюда, ощущаемая такими производителями потребность постоянного обновления, развивая программного обеспечения и довольно быстрой заменяя старых устройств изящными новыми гаджетами²⁴. В культуре, подобной нашей, требуются огромные усилия для того, чтобы отделаться от чувства отчаяния или просто управлять им. (Вспомним в этой связи современную эпидемию смертельных случаев отчаяния на почве употребления опиатов и алкоголя. Это одно из самых ярких свидетельств того, что наши симптомы тревожат). В отличие от всего этого, привлекательность, которой обладал Деррида, предполагала иной набор условий и соответствовала этому другому набору. Но и в этом случае мы в основном имеем дело с товарным фетишизмом²⁵. Ведь обещание Деррида было обещанием совершенных товаров. Возможно, речь шла о мире совершенных товаров. Тексты Деррида, объединяющие две стороны товара – меновую стоимость и капитал – в результате такого обращения могли использоваться сколь угодно долго, не расходуясь; собственный капитал (стоимость) этих текстов увеличивается в процессе их использования вместо того, чтобы быть уничтоженной актом потребления. Товар, который потенцируется (капитализируется) в процессе его использования, является прекрасным, идеальным товаром.

29 То, что центральные черты работ Деррида демонстрируют созвучность его творчества с заложенными в неолиберализме обещаниями – важное обстоятельство; но его собственное творчество выходит в своих обещаниях за рамки этой созвучности неолиберализму. Но и сам неолиберализм есть нечто большее – это не просто генерализованное деструктурирование, читающееся как возникновение новых возможностей и, в менее ясном смысле, новых обязательств. Будь Деррида просто созвучен времени, а именно, времени обещаний, его творчество конечно привлекло бы к себе какой-то интерес, но оно никогда не вызвало бы такого возбуждения. Просто созвучие времени ни за что не породило бы подобного энтузиазма²⁶. Конечно, никто в то время не считал его тексты концентрированной перформативной моделью глобального социально-политического развития и не искал у него такой модели, стремясь увидеть в ней лицо времени, а значит и свое собственное лицо. В то время вклад Деррида был почитаем или поносим как нечто практически потустороннее, а не как чистое выражение наличных условий. Я сказал бы даже, что отчасти интерес к Деррида был как выражением наших жизненных интересов и условий жизни, *так и отклонением* от того и другого.

30 С одной стороны, мир, переживающий, в общем смысле, «беспорядки» как реакцию на восхождение неолиберализма, был миром, способным резонировать с миром «постструктурализма». Это в особенности верно, если понимать последний как мир, сознающий, что новые разработки будут реализованы ценой принятия масштабных и неясных ограничений. С другой стороны, интерес к Деррида был отчасти механизмом коллективного ухода от самих себя. *Только потому, что опыт Деррида был во многих отношениях так близок к опыту – и особенно к обещанию – восходящего неолиберализма, интерес к Деррида мог служить защитной заменой интересу к нам самим, к условиям нашего существования. Опыт Деррида, его обещаний, был характерной фантазией восходящего неолиберализма. Это был опыт дерзновения, спекулятивной чрезмерности, не ни реального риска, ни необходимости платить по счетам. Это был опыт текстового, идеационного процветания (и приятного, захватывающего, доступного для капитализации поражения)*²⁷. В исторический момент, отмеченный систематическим подрывом перспектив

процветания человечества, тексты Деррида воплощали идеал благой жизни, доступный все меньшему числу людей, но все еще соблазнительный для многих. *Это был опыт нелиберальной идеальной жизни, она претерпевала искажения как раз тогда, когда превратилась в пищу для надежд – надежд на все более экспериментально и объективно усложняющуюся и совсем неоднозначную реальность нелиберализма. А у Деррида идеи жили той жизнью, о которой мечтали мы все.*

31 Тот Деррида, которого так превозносили и поносили при жизни, был, по большей части, фантазией, строительными лесами, поддерживавшими и вызывавшими к жизни проекты нелиберализма со всеми их обещаниями – проекты, которые он впитывал в себя и усиливал, отвлекая тем самым внимание от условий, питавших и делавших необходимой такую фантазийную абстракцию. Деррида не был ни спасителем мира, ни авангардом эмансипации, ни коварной демонической силой, каковой его изображали. Так что нелиберализм не идентичен ни своим (невыполненным) обещаниям, ни его сегодняшней катастрофической действительности.

32 Другой вопрос до какой степени невосприимчивость к смыслам множества прочтений Деррида ответственна за наше непонимание того, кто мы есть. Иначе говоря, в какой степени фантазии на тему Деррида были продуктом простых недоразумений (неправильных прочтений), а в какой – результатом преувеличения того, что действительно содержалось в его творчестве; этот вопрос я оставляю открытым, наряду с вопросом о размерах его ответственности. При всей его экстраординарной популярности, восторженная забывчивость в отношении такой сложной реальности, какой был восходящий нелиберализм, далеко превысила по численности читателей и поклонников Деррида. В определенной степени опыт Деррида и опыт восхождения нелиберализма имели взаимно искажающее влияние на понимание того и другого. Действительный вопрос стоит в другом, он не так очевиден и более узок. Здесь о нем надо сказать следующее: сегодня творчество Деррида и его рецепция есть нечто совсем иное, чем выражение, отклонение и искажение современного опыта. Ибо те условия, при которых был возможен расцвет обожания Деррида, более не существуют. В этом смысле мы можем лишь стремиться понять, на что был направлен этот энтузиазм, что он говорит о тех, кто тогда жил, и, учитывая, что это были не мы, можно спросить, кто есть мы сегодняшние. О современном состоянии способен нечто сказать нам быстро испаряющийся интерес к Деррида, а не энтузиазм по поводу его творчества и его личности.

33 Итак, каково было обещание Деррида, если это не было просто обещание нового? Чем был (восходящий) нелиберализм – что питало его, что дало ему его эмоциональную власть – если не просто обещание нового²⁸? И откуда взялся энтузиазм по поводу творчества и личности Деррида – как и по поводу нелиберализма – если это не было простым возбуждением по поводу обещанного нового? Каков был *опыт* Деррида? Каково было это *явление*?

34 Восторженное отношение к Деррида было, по большей части, реакцией на его прокламируемый энтузиазм: его неослабевающий оптимизм, разжечь который могли случайные на вид вещи, стоило только поупорней к ним подступиться; его бескомпромиссное, энергичное иконоборчество и общая уверенность в собственной – а значит и в нашей – способности прервать, и, возможно, перенаправить, на первый взгляд, устоявшиеся мыслительные позиции и практики (если не убежденность, то, все равно, усилие); его неиссякаемый драйв в направлении формальных инноваций; его неутомимый интерес к невероятно широкому набору тем и творческое, страстное участие в них – этот интерес, который простирался, по-видимому, ко всему, с чем он сталкивался – и производимое им впечатление, что надо было бы сделать гораздо больше сделанного; жадное заглатывание им текстов разных традиций с целью их пересмотра; его неукротимое желание «вмешаться», будь то древние тексты и дебаты или современные социально-политические вопросы; его заметный

интерес к выяснению, что могло бы выйти из случайно предоставившихся возможностей (т.е. приглашения обратиться к темам, не включенным в его повестку дня), даже готовность быть уведенным в сторону; вера в то, что, поддаваясь принуждению или чьей-то идиосинкразии – любому воздействию на него, например, специфическим формулировкам, с которых начинаются столь многие его работы – можно получить генеративный эффект; и многое другое. Энтузиазм, с которым подходил Деррида к разным предметам, был крайне заразителен. Частично обещание Деррида заключалось в утверждении, что и безрассудство или то, что казалось таковым, может оказаться продуктивным; безрассудство поддается культивации и способно превращаться в фактор инновационности и условие усиления проницательности. Опыт Деррида отличался неограниченностью возможностей, позволяя каждому потакать своей импульсивности, следовать собственным идиосинкразическим интересам, куда бы они ни вели; придаваться показным поступкам, экстравагантности; безумствам²⁹. Еще, возможно, он позволял выяснить, какое влияние могла оказывать интенсивная озабоченность вопросами, кажущимися маленькими и незначительными. Выяснить, куда завело бы нас следование сомнительным курсом. Выяснить, что могло бы получиться, когда передоверишься темам и вопросам, которыми обычно пренебрегают, которых не замечают, считают неправомерными, запретными или даже достойными презрения³⁰. Вообще, он позволял выяснить, что могло бы получиться из наших единичных интуиций³¹. Именно этот *граничащий с эйфорией энтузиазм, на котором можно было бы свернуть себе шею* (он вдохновлял его мысль, служил ее воплощением), отличал Деррида от Фуко, Лакана, Лиотара, Барта, Кристевой и других французских светил, и, тем более, от немецких и итальянских ответвлений Континентальной мысли, от Франкфуртской школы.

35 Творчество Деррида, в отличие от любого другого, держалось на/открыто черпало вдохновение из дерзко узурпированного права вовлекать в разбор маргинальные моменты, не обладающие внутренним единообразием направления, риторические экскурсы и перформативные промахи (*paraprahes*) – все вообще текстуальные однодневки (*ephemera*) – и, что характерно, противопоставлять их официальным амбициям, а также самостийным толкованиям рассматриваемых текстов³². Направленную против предрассудков ауру творчества Деррида с ее блеском, интенсивностью, нельзя было не заметить. Столь же неизбежным было чувство, что такое иконоборчество не было простым потаканием собственным желанием или произволом кошунства, как не было оно ни агрессивным излиянием безразличной деструктивности, ни самоутверждающейся атакой на идолов, и так готовых упасть; это была не просто работа по приведению в упадок и разрушение всего того, что само идет к краху и, если не к забвению, то к корыстным мемориальным манипуляциям с некогда почитаемыми числами или идеями. Скорее, такое иконоборчество воспринималось как освободительная, (воз)рождающая сила – или по крайней мере, как момент, прелюдия к возрождению; попытка не разделаться с ценностями, не сбросить с пьедестала идолов, а мобилизовать и преумножить силой такого порождающего напряжения имеющиеся возможности, новые ценности и идеи. Творчество Деррида, задуманное как общедоступное и практикуемое как общедоступное, будучи серьезным занятием с несерьезными предметами, а также определенной несерьезностью в отношении серьезного (по крайней мере, невыделением серьезного из числа прочих предметов), воспринималось как насквозь пропитанное силами освобождения. Это творчество никогда не склоняло голову перед авторитетом; более того, порой казалось, что оно его вовсе не замечает³³.

Remarks:

1. Сейчас не самое подходящее время для чтения Деррида, а какое время для этого подходит – вопрос, не охватываемый моими непосредственными задачами; короче говоря, я выбираю его, потому что это время так же отличается от настоящего, как отличается социализм от неолиберализма поздней стадии. По крайней мере, оно не

уже не обременено водоворотом энтузиазма и презрения,

2. Или, выражаясь точнее, развитие неоллиберализма (сначала) в Америке и в отдельных частях Европы. Ясно, что опыт неоллиберализма и его настоящее состояние в глобальном масштабе дифференцированы. О либерализме в других частях мира см., например: Aihwa Ong *Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty* (Durham and London: Duke University Press, 2006), а также: Mike Davis and Daniel Bertrand Monk eds. *Evil Paradises: Dreamworlds of Neoliberalism* (New York and London: The New Press, 2008).

3. Думаю, понятно, что ряд известных описаний неоллиберализма я нахожу недостаточными (как, например, у Фуко), убедительными (Венди Браун), либо и то и другое (Харви, Хомский). Но у меня нет интереса к спору о понятиях. Если в дальнейшем моя характеристика неоллиберализма окажется убедительной, это потому лишь, что в ней учтена вся широта и взаимосвязь социально-политических, экономических, и психологических условий, в которых мы находимся, и *обсуждается* опыт существования в этих условиях. Единицей измерения заслуг, имеющихся на счету неоллиберализма, по моему мнению, является то, насколько удастся ему привести исторически сложившиеся материальные условия в соответствие с опытом их реализации. Особенно я хочу вывести на передний план эмоциональные и фантастогорические контуры неоллиберализма: почти никем (за исключением Батлера и Берланта) не замечается, что неоллиберализм представляет собой политико-экономический тренд, идеологию или аморфную коррозионную силу, близкую по смыслу тому, что Арндт называет частичкой “социального”; а также он есть универсальный термин для обозначения побуждения к критике.

4. Центральной темой сопутствующего эссе станут Делёз и неоллиберализм. Об уместном и поверхностном интересе к Делёзу на всем протяжении восхождения Деррида и неоллиберализма см.: François Cusset, *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States* Trans. Jeff Fort with Josephine Berganza and Marlon Jones (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008).

5. Что касается институализации философии, об этом частично свидетельствует тот факт, что современная философия развивалась под влиянием своего предмета, а не автора или направления («изма»). Более содержательным способом доказать мысль о «нарушенной красоте буржуазной жизни» следующий: Сильные чувства никому не нужны. Ведь даже обещание сильного всплеска или притворный всплеск являются, как нам известно, уловками маркетологов. В аналитической философии мы возвращаемся к одухотворяющему этосу логического позитивизма – уничтожаем путаницу и ошибки, освобождаемся от ложной аргументации и замысловатых, чреватых заблуждениями терминов. Короче, мы кладем конец беспорядку. Наиболее ярким признаком движения в этом направлении является звезда Стенли Кэвел, вместе с такими знаменитостями, как МакДауэлл и Брендэм. В континентальной философии доминирующим образом жизни выступает, пожалуй, не просто профессионализм, как было показано выше, но карьеризм: установка на профессиональное поведение и, по возможности, союз с властью.

6. В той мере, в какой творчество Деррида было нацелено на будущее, а оно, несомненно, было нацелено на будущее, оно рисовало будущее как нечто непредсказуемое и прерывистое, как внутренне подрывающее интенциональное, телеологическое и эсхатологическое воплощение.

7. Правда, в начале премьер-министра 80-х Мороя, обещанного “разрыв с капитализмом”, но (по крайней мере, 83) это не было особенно вероятно, возможно, не больше, или не намного больше, чем политическая риторика. Однако, это действительно квалифицирует вышеупомянутое требование.

8. Если «постмодернизм» что-нибудь вообще означал, он означал оптимистичное ощущение, что современность содержала неистощимые ресурсы для творческой переделки и взволнованности (или бедствие), что творческая начальная потребность не учитывает любую власть вообще – пока такая инициатива осталась частной, или иначе, как в случае искусства, институционально содержавшего. Большие свободы могли быть взяты (дословно, мастерски) с различными линиями наследования, составляющего палимпсест современности, и с другой стороны с продуктами такого свободного предпринимательства, и это спонсировало чувство, что “что-либо возможно”, но только пока никто не ожидал, что такой *experimentalism* и скрещивание объединятся в любую новую традицию или власть. Это не ни для чего, что идея политического постмодернизма никогда не получала тяги. «Постмодернизм» был понятием, зафиксировавшим явления, которые лучше постигаются в контексте концепции неоллиберализма.

9. Особенностью славы Деррида была ее причастность – реальная или кажущаяся – к «узакониванию» авторитетных утверждений типа «этого сделать вы не можете». Речь идет о том, что Деррида предположительно доказал или «деконструировал», легло в основание уверенных заявлений, согласно которым различные (философские и не только философские) действия или утверждения, некогда вызывавшие доверие, могут быть подвернуты сомнению. Другим проявлением чувства того, что все уже никогда не будет по-старому (это было разновидностью самосбывающегося пророчества) было стремление мобилизовать идеи Деррида в различных областях, не связанных непосредственным образом с его творчеством – например, в квантовой физике (см.: Arkady Plotnitsky, *Complementarity: Anti-Epistemology After Bohr and Derrida* Durham and London: Duke University Press, 1994). Неистовая тяга к таким применениям идей Деррида стала неизменной частью рецепции его творчества, особенно в Америке. Достаточно вспомнить череду исследований, посвященных Деррида (или деконструкции).

10. В этой связи можно упомянуть такое кустарное направление, как исследования о Деррида и античной философии. Некоторое время назад выдающееся место заняло живо разрабатывавшееся направление континентальной философии, посвященное переоценке античных авторов в свете идей Деррида и подобных ему современных («постсовременных») фигур.

11. Наши собственные попытки, чем бы они ни были, всегда находились на внутреннем пороге начинаний Деррида или образовывали их внешнюю сторону. Таким образом, его творчество оставалось доступно наблюдению – не на стадии зарождения, о которую Деррида мог бы сказать: сила случая. Одна из причин того, что Деррида читали столь

многие, но делали это очень плохо, заключалась в том, что его творчество скорее формально, чем явно, поощряло применение (смещение, творческое внедрение), а не уяснение. Авторское неодобрение непосредственного схватывания, так же как и ряд других вещей, служило у Деррида цели настройки читателя на более тщательное и чуткое чтение его текста. В этом оно походило на многие модернистские работы. В этом отучивании от быстрого схватывания сути Деррида был так искусен, что обычно его тактика чаще приводила к поверхностному применению того, что понималось очень ограниченно, чем к попыткам глубокого понимания. Если в других областях ограниченное понимание мешало усвоению, то в случае Деррида оно зажигало безумство – отчасти как легкий выход из положения, но еще как желание превзойти его. Писания в жанре “Деррида и . . .” стали отчасти способом бегства от его работ под видом их усвоения и расширения. И хотя это не главное, что я хочу сказать, это (вкуче с другими мыслями данного эссе) самой сутью дела – призвать (несколько косвенным образом) и слегка упрекнуть тех, кто анализирует влияние Деррида в терминах фукоистской трансдискурсивности, например, Cusset (2008). Подход этого автора будет рассмотрен ниже.

12. Отметим в скобках, что несмотря на предупреждения Деррида, его творчество не могла быть не неясным предвкушением, ни вдохновением надежды на мир, в котором будет запрещена метафизика, то есть, на невообразимо иной мир – невообразимо более – дикий, текучий, и свободный. Настолько живым было его обращение с чувством нового и непредвиденного, что энтузиазм по поводу достигнутого им заставил проигнорировать ясное и многократно повторенное в работах Деррида неприятие утопического проектирования. Но поскольку никто не мог действительно верить в такой мир, как бы он им ни нравился, эта чрезмерность воображения не имела большого значения. Я упоминаю его здесь просто как интересный признак – крайний случай – энтузиазма по поводу новинки, какой было творчество Деррида и его личность.

13. Нужно обозначить проблему, важность которой раскроется позже: для того, чтобы тексты Деррида обладали демократическим привкусом, их следовало воспринимать не как предписание каких-то конкретных траекторий исследования, не как вещей, относительно которых прописаны правила их надлежащего применения, но больше как разрешение, даже поощрение «участия», понятого как творческое потребление. Другими словами, для их демократического привкуса имело значение восприятие их как не имеющих отношения к управлению будущим, к его оценке; в них следовало видеть поощрение читателей к исследованию и развития их собственных (подготовленных деконструкцией) интересов и проектов.

14. Cf. Karl Jaspers, *Nietzsche: An Introduction to the Understanding of His Philosophical Activity*. Trans. Charles Wallraff and Frederick Schmitz (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997 [1936]), 21. Отметим, что хотя интересы сторонников Деррида могли перекрещиваться, сохранение ими независимости была настоль важным требованием, что было почти невозможным представить их сотрудничающими меж собой на принципах взаимодополнительности. Пусть даже у них наблюдались сближения и заключались союзы – это не порождало сотрудничества в духе коллективного самоопределения; скорее, речь могла идти о дальнем родстве “уникальных членов множества.”

15. С этим связан серьезный вопрос, с которым сталкиваются снова и снова читатели Деррида: что в его обращении к различным текстам, проектам и традициям составляет разрыв, а что развитие, если трактовать разрыв и развитие как формально, так и, особенно, на уровне аргумента («по существу»). Даже после того, как при разборе определенного текста Деррида или нескольких из них были выдвинуты веские доводы в пользу соответствия их некоторому историческому философу и было перенесено на эти работы определенное понимание проекта, развернутого тем философом, кризис нарративности – т.е. чувство неопределенности, размытой линии между разрывом и развитием – исходящий от манеры общения Деррида с собеседниками, остается не устраненным.

16. В конце концов, 80-е и 90-е были временем «культурных войн», неоконсервативного движения, широко распространенного укрепления положения религии, морализации политики (включая усиления Морального Большинство и других, направленные на то, чтобы мобилизовать религию как политическую силу), социального и политического продвижения «семейных ценностей», политического энтузиазма по поводу законности и правопорядка, агрессивных требований ограничения свободы и кампаний по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, растущего традиционалистских и неотрадиционалистских настроений, энтузиазма по поводу коммунитаризма, политики идентичности, и “стратегического эссенциализма”.

17. Неолиберализм был в значительной степени спущенной сверху административной программой, изданной государствами и международными финансовыми учреждениями. Но именно неолиберальная идеология – особенно в американском контексте – хотя и не только там – позволила внедрить его в административном смысле, тем более, что идеология обеспечила ее общественное принятие. Данный смысл его обещания неолиберализма и был проявлен энтузиазмом.

18. Или, если увидеть сказанное в более зловещем свете, в природе вещей заключена девиантность. И хотя допущение о внутренней девиантности может, путем «нормализации», подхлестнуть тенденцию к анти-культурным и субкультурным видам самовыражения и прочему, подобная натурализация потворствующих умонастроений оказывается, в ситуации восходящего неолиберализма, столь же примечательной, сколь и достойной осуждения.

19. Близкий друг Деррида Элизабет Рудинеско рассказывает в работе *Philosophy in Turbulent Times: Canguilhem, Sartre, Foucault, Althusser, Deleuze, and Derrida* (New York: Columbia University Press, 2008) что на склоне лет она предложила Деррида приключенческий роман-трилогию Дюма «Три мушкетера» (*Три мушкетера, Двадцать лет спустя, Виконт де Бражелон*). Это предложение способно сказать о многом. (Хотя для самой Рудинеско это предложение имело совсем иной смысл, чем тот, который имеем в виду мы).

20. Будучи основателем инициатив по самым разным причинам, он вполне мог бы относиться к переживанию неудачи как части воодушевления; но подобное неприменимо к опыту работы с текстами Деррида. При всем их дерзновении, эти тексты никогда не бывали по-настоящему открыты для неудачи (не считая конечно критических

выступлений против него; но это сюда не относится). у него всегда чувствуется расчет – именно это помогает читателю справиться с некоторыми из фрустрирующих сторон его текстов.

21. В качестве указания на широту распространения этого настроения упомянем феномен популярности «зеленой революции», т.е. проектов поиска технологических решений предупреждения разрушений планетарного масштаба и, более широко, долго откладываемого признания возможности необратимых климатических изменений, загрязнения земли и воды и т.п.

22. В Европе и, в частности, во Франции о каких-то крупномасштабных трансформациях говорить не приходится, учитывая недобрую славу уже имевших место в истории амбициозных начинаний (напр., нацизма и сталинизма); перед лицом (истеричных?) реакций на саму мысль о том, что любое такое крупномасштабное начинание непременно повторит данные исторические модели, это отсутствие приветствовалось с огромным облегчением – а в различных морализаторских гипотезах вроде тезиса о «конце истории» это облегчение превратилось в основание для определенных убеждений. Ведь в Европе и особенно во Франции либерализм стал привлекательным и получил идеологическое обоснование в той мере, в какой его практические проявления соединялись с обещанием никогда не ставить на повестку дня никаких крупномасштабных трансформаций. Особенно это касалось академических кругов. В этом отношении появление европейского неолиберализма / европейских неолиберализмов более соответствует не американскому неолиберализму, а теории Хайека, неолиберализм которого страстно превозносится именно в этой связи. В работах Хайека, как и вообще в европейских исследованиях, либерализм понимается и принимается скорее как способ эффективного противодействия брутальности амбиций этатизма, а этого никогда не было в американском неолиберальном контексте. Главным импульсом к принятию неолиберализма служил страх перед государством, а косвенным образом, также и перед массами. В этом контексте успехи раннего неолиберализма в значительной степени были успехами в деле создания и удержания пугающих призраков. Как будет показано ниже, в американском контексте действенная динамика поддержания господства неолиберализма была существенно иной. А в Латинской Америке эта контекст-зависимая динамика отличалась как от европейской, так и от североамериканской; здесь неолиберализм в основном насаждался и охранялся с помощью злонамеренной брутальности государства (в ход шли даже пытки и массовая резня), нечувствительных к консенсусу полицейских порядков, заоблачных задолженностей и интервенции власти иностранцев. Здесь само содержание угрозы, предотвращение которой привело к власти неолиберализма, указывало на совершенно иное чудовище: правление неолиберализма обеспечивал не призрак брутальности, а свершающийся факт ее присутствия.

23. Добавим сюда коллективное самоутверждение, пересмотр [фрагментов] истории, переписывание канонических текстов, осуществляемое с позиций маргиналов или гегемонически перекодированных слоев, собрание «образов жизни», переоценку и часто коммерциализацию того, что некогда было «низким» или «чужим», иронию, ностальгическую или неоклассическую стилизацию, толерантность в отношении к противоречиям или их эксплуатацию, а также множественные, экспансивные идентификации.

24. Или, в случае с видеоиграми, апгрейд, апдейт и замену прежней игры любой следующей.

25. Более подробно связь между деконструкцией и креативным консюмеризмом будет рассмотрена ниже.

26. Ниже я покажу, что энтузиазм в отношении Деррида по большей части имел своим источником его подстрекательское отношение к неолиберализму как к предмету, по поводу которого следует фантазировать, а вовсе не рассуждать о том, что он собой представляет в действительности. Одной из предпосылок такого подстрекательского настроения была близость творчества и личности Деррида – говоря языком психоанализа – к современной нам «скрывающей памяти» о неолиберализме, т.е. к селективному и искажающему (в особенности, бессознательно идеализирующему) показу его, весьма амбивалентного в действительности, «лица».

27. Я склонен утверждать, что интрига, спровоцированная энтузиазмом, отчасти состояла в возможности получать капитализацию от противоречивости текстов и порождаемого ими беспокойства.

28. Любой авангард вызывает энтузиазм своими обещаниями нового. Тот энтузиазм, который окружал Деррида, был качественно иным и к тому же необычайно далеко идущим.

29. Сугубо схоластический, даже «сухой» подход некоторых (немногих) последователей Деррида можно принять за констатацию неистового неприятия, обычно сопровождавшего его работы, - неприятия, считавшегося оправданным самим содержанием этих работ (особенно, если принять во внимание характер приема соответствующих публикаций), а также, возможно (здесь я не уверен) заложенным в этих текстах чувством восторженного самонеприятия. В частности, чрезвычайно терпеливый, академически осторожный подход Эдварда Кейси и Аллана Басса, ориентирующихся в своем учении о творчестве Деррида на мельчайшие детали, первоначально поразил меня как совершенно не имеющий отношения к «делу». Я был благодарен им за это, в особенности потому, что такой подход был крайне редок, но еще и по другим причинам, не вполне ясным мне в то время способ углубления в концепцию манера лечения была так редка, но также и, по причинам я не мог вполне разобрать в то время (они несколько противоречили такому подходу) – как будто эта строгая манера извлечения концептуального понимания влекла за собой некоторую слепоту или неприятие. Однако, тогда я не мог указать, что именно казалось мне столь странно несоответствующим и потому неуместным в приложении к текстам стандартных академических критериев, которым были привержены и я и они; теперь же кажется ясным, что ощущение «странности» исходило из попадания этой работы в эмоциональную атмосферу, к которой ей было непривычно. Этот способ преподнесения Деррида был, помимо прочего, некой альтернативой, уместность которой сомнительна, - иным способом выражения энтузиазма по поводу его творчества. Практикуемая им экзегетическая осторожность – медленное, растянутое на недели сосредоточенное развитие и дифференцирование «понятия» – питалось энтузиазмом Деррида, необычность же состояла в том, что ее целью было мелкотекстуальное деление. Речь идет о том, что энтузиазм по поводу Деррида присутствовал даже в самых неподходящих для этого аспектах.

30. То, что Деррида считался законным выразителем интереса к находящемуся под запретом, к слабым и потерпевшим поражение, показывает, что, по крайней мере, для некоторых энтузиазм по поводу Деррида нес на себе отпечаток *рессентимента*. Поскольку же существовало множество современных дискурсов и практик, скрыто или явно принимающих сторону подавляемых и/или угнетаемых, то едва ли возможно, что волна энтузиазма была порождена именно этим сближением его идей с идеей *рессентимента*. Но как было столько одновременных бесед и методов, которые неявно или явно приняли сторону подавляемого и/или угнетаемого, это не могло быть просто вследствие его сходимости с разочарованностью, что работа Деррида выявила такой энтузиазм. Ввиду наличия явных препятствий для творчества Деррида – все они являются трудностями доступа – представляется особенно маловероятным, что сближение с *рессентиментом* могло сильно влиять на этот энтузиазм. И хотя предоставление поводов к *рессентименту* не было решающим фактором для появления связанного с Деррида и его творчеством энтузиазма – существовало так много других, куда более привлекательных фигур и творческих продуктов – в то же время, именно у Деррида имел место опыт особой *конфигурации рессентимента*. Ниже будет рассмотрено, в каком виде *рессентимент* стал частью фантазий Деррида в качестве опосредующего фактора, обеспечившего доверие к этим фантазиям.

31. Тексты Деррида, таким образом получали поддержку и, возможно, со стороны рыночной веры в свободное функционирование рынка: произведите то, что хотите, все, что имеет для вас значение или что стало возможным вследствие совпадения ваших талантов с некоторым стечением обстоятельств, рынок же внесет свои коррективы. В конечном же счете, явная автономия Деррида и его наследников никогда не были неотделимы от уверенности в рынке.

32. В этом контексте полезно сравнить Деррида с Де Маном, последний был до некоторой степени похож на Деррида, но далеко не столь и вдохновляющ и влиятелен. Каковы бы ни были сходства между ними, энтузиазм Деррида как бы ничего не ведал о нигилизме Де Мана.

33. Связанное с описанным выше, но отличное измерение текстов Деррида – это усиленный многими из читателей и сопряженный с эмоциональным окружением восходящего неолиберализма элемент вызова. Вызов стал преобладающей средой псевдоиндивидуализации.

References:

1. Cusset, Francois French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States. Trans. Jeff Fort with Josephine Berganza and Marlon Jones (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008).
2. Davis Mike and Monk Daniel Bertrand eds. Evil Paradises: Dreamworlds of Neoliberalism (New York and London: The New Press, 2008).
3. Jaspers, Karl Nietzsche: An Introduction to the Understanding of His Philosophical Activity. Trans. Wallraff Charles and Schmitz Frederick (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997 [1936]).
4. Klein, Naomi The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. New York: Picador, 2007.
5. Ong, Aihwa Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty (Durham and London: Duke University Press, 2006).
6. Plotnitsky, Arkady Complementarity: Anti-Epistemology After Bohr and Derrida Durham and London: Duke University Press, 1994).
7. Rudinesko, Elisabeth Philosophy in Turbulent Times: Canguilhem, Sartre, Foucault, Althusser, Deleuze, and Derrida (New York: Columbia University Press, 2008).

Идеология и утопия: философия в условиях неолиберализма

Розен-Кэрл А.

Рочестерский технологический институт

Нью-Йорк, 14623, One Lomb Memorial Drive Rochester

Аннотация

Поиск причин восторженного принятия Жака Деррида, его творчества и самой его личности, подводит автора эссе к идее соответствия того и другого конкретной эмоционально-идеологической атмосфере, в которой происходило становление неолиберализма; он делает вывод о том, что само содержание творчества Деррида отразило идеалы неолиберализма, т.е. послужило непосредственным воплощением неолиберальных представлений о благой жизни. Что касается чувств разочарования, беспокойства и страдания, либо вовсе неведомых сторонникам неолиберализма, либо пережитых ими лишь отчасти, в работах Деррида эти чувства были отражены в полной мере. У Деррида, работавшего как в тесной связи с повседневным опытом, но также и дистанцированно от него, ощущения непреодолимого разлада, неуверенности и коллапса были преобразованы в образ интригующих новых начинаний. Его неоспоримым, идеальным достижением было всё то ценное, что удалось ему извлечь из деконструкции. Поскольку все предшествующие прогрессивные идеалы – и революционный и либеральный – вместе с фантазиями о благой жизни потерпели крах или были поколеблены, поклонники Деррида примкнули к порожденному им энтузиазму, а их настрой был, в свою очередь, обратно отражен им самим; в результате, достаточно скоро все оказались в ситуации взаимоусиливающегося энтузиазма. Затем, по мере того как очарование обещаний, данных неолиберализмом, потускнели в свете реалий его действительного развития; по мере того как мы, не став еще полностью обездоленными, оказывались не включенными или только отчасти включенными в круг бенефициантов розданных обещаний, Деррида стал обозначать для нас ту высшую точку неолиберализма, которой мы так и не достигли, но, предполагаемо, могли достичь. Энтузиазм по поводу Деррида всё более ощутимо перерастал в энтузиазм по поводу определенного идеала. Наконец, когда разрыв между неолиберальными условиями существования и неолиберальной идеологией стал неизбежно очевидным, Деррида уже не мог служить опорой для фантазий о неолиберальной благой жизни. Его энтузиазм перестал увлекать всех уставших и подавленных жертв неолиберализма поздней стадии развития. Именно по этой причине память о Деррида быстро исчезала. Интерес к Деррида воспаляли и поддерживали социально-политические условия, которых теперь уже не стало. Именно по этой причине память о Деррида быстро сходит на нет. Случившийся коллапс показывает, что именно было невыносимого в нашем прошлом, и что остается таковым в настоящем.

Перевод с английского языка выполнен Мюрберг Ириной Игоревной (Институт философии РАН).

Ключевые слова: Деррида, неолиберализм, идеология, утопия, история философии

Дата публикации: 27.09.2019

Ссылка для цитирования:

Розен-Кэрол А. Идеология и утопия: философия в условиях неолиберализма // Полилог/Polylogos. 2019. Т. 3. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110006648-4-1/> (дата обращения: 15.07.2020). DOI: 10.18254/S258770110006648-4

User code: 0; Download date: 15.07.2020; URL - <http://polylog.jes.su/s258770110006648-4-1/> All right reserved.